

НАКАЗАННОЕ ДИТЯ

Иван ИЛЬИН

Отрывок из книги

«Взгляд в даль. Книга размышлений и упований», 1945

Как часто пытаются люди воспитывать детей наказанием... Но ведь наказанное дитя — это страдающее дитя. И мимо этого наказания нельзя проходить равнодушно. Надо помочь ребенку, ведь неопытность и беспомощность являются составляющей его сущности. И если не помочь маленькому, неопытному, беспомощно страждущему Божиему созданию, то правомочно задаться вопросом: осталось ли в нас еще хоть что-нибудь человеческое?

Особенно это касается жестоких наказаний, об ущербности которых родители даже не задумываются и от которых ребенок страдает особенно сильно. К жестокости «наказаний», которые действительно заслуживают этого строгого термина, следует присмотреться поближе.

Ребенку надо помочь намного раньше, то есть до наказания, чтобы он мог избежать его. Но этого, как правило, не делают. Почему же этим пренебрегают? Родители ссылаются на дефицит времени, на собственное «незнание» и «непонимание» и в результате «преуспевают» в недостатке любви.

Мы сделали ряд важных наблюдений, связанных с сущностью наказания. Наказание является как бы сигналом тревоги для самих родителей о том, что есть такие промахи и ошибки, которые не должны иметь места. Потому что наказание — это репрессия; оно означает, что детская душа бунтует и что подавление этого бунта происходит из покоев родителей. *Воспитание наказанием — это несчастное воспитание*, это постоянно тлеющая борьба, это тайная гражданская война в семье. Остается только один вопрос: кто несчастнее — наказывающий или наказуемый? Конечно же, несчастнее наказуемый, так как он неопытен и беспомощен.

Однако наказание свидетельствует и о беспомощности родителей, только их беспомощность не так извинительна, как беспомощность детей. Там, где налицо правильная воспитательная связь между старым и малым, до наказаний дело доходит крайне редко или вообще никогда. Отец или мать прислушиваются к жизни ребенка, вчувствуются в его внутренние побуждения, прозревают трудности его развития — инстинкты, желания, сдержанность и безудержность, ревность и капризность. Материнское (родительское) чувство необычайно тонко и просто призвано по-настоящему «чувять рост травы и цветенье цветов» в детской душе, тщательно оберегая все доброе и осторожно выпалывая все дурное. Если она этого не делает, если понимает только тогда, когда ребенок начинает спотыкаться и протестовать, тогда наступает беспомощность вдвойне и неизбежное несчастье репрессий. Каждой неудаче тогда соответствует порция наказаний.

К тому же наложенное взыскание рассматривается как запоздалая помощь, а потому имеет для родителей свое оправдание.

Холодно и бесстрастно предстают тогда они перед страдающим ребенком, чтобы осуществить сухую и формальную идею влияния. Эта идея «расплаты», «компенсации за недовольство» имеет своим происхождением совсем иные сферы, в которых практикуются проблемы динамики, равновесия и хозяйственного расчета; это

«библейская» (из Ветхого Завета) идея, но она не христианская; это древнеримская идея, но она лишена любви. Когда детский проступок наталкивается на строгое наказание, душа ребенка еще больше ожесточается и изо всех сил старается себя защитить. Тогда задача родителей становится неразрешимой. Потому что в сущности своей задача воспитателя в том, чтобы открыть двери детскому инстинкту, осторожно, но действительно проникнуть в его внутренний мир и пробудить в нем самые благородные силы глубинных пластов к произвольному движению и к новому самосознанию.

Еще печальнее результаты наказания, если воспитатель ставит перед собой задачу застрашать или запугать ребенка. Это особенно касается порки.

По сути, существуют два различных, если не сказать противоположных, способа воспитания: союз с добрыми задатками ребенка и война с дурными наклонностями. Первый способ — христианский.

Если воспитатель настроен на союз, он как бы говорит ребенку: «Ты ведь славный, хотя, как я вижу, у тебя бывает и дурное на уме. Я верю в твою доброту и в твои силы; я буду помогать и защищать тебя, и вот увидишь — ты скоро победишь». Если же воспитатель замысливает войну, он так подходит к ребенку: «Ты дрянной мальчонка, и твой поступок является зеркалом твоей души. Я не верю в тебя, и от меня ты пощады не жди; ты заслуживаешь дурного обращения, потому что ни на что хорошее не способен; трусишка, из страха перед наказанием ты даешь выход вовне своим дурным инстинктам, так как нутро у тебя подвержено порче!»...

Тот, кто заключает с ребенком союз, пытается стать его «ангелом-хранителем», он не старается задеть в нем честь и достоинство, он бережно относится к его самолюбию. И в этом он абсолютно прав. Тот, кто объявляет войну ребенку, становится его преследователем и врагом. Он уязвляет его достоинство, задевает его честь, подрывает веру в собственную простоту. Если ребенок вынужден сказать себе, что его «отец видит в нем негодяя», он всегда перед выбором: или отдать должное точке зрения отца и покончить с этим негодяем в себе, или же отстаивать свое достоинство и смотреть на отца как на «врага» и «злодея». Но даже тогда, когда ребенку удастся не давать себя растоптать и сохранить самоуважение, существует опасность, что он свое «достоинство» переносит в сферу жесткого и категоричного мошенничества, утрачивая меру в свершении дурного. А то, что переживает ребенок, представляя в лице своего отца «врага» и «злодея», можно назвать великой трагедией жизни, потому что в таком случае принцип авторитета вообще и представление о свободной лояльности в частности в корне подрываются и начинают колебаться. Именно здесь и следует искать первоосновы позднейшей революционности и анархизма, источник нигилизма и безбожия.

Если кто вознамерился воспитывать дитя методом застрашивания (запугивания), тот рискует потерять его любовь и духовно искалечить его. Гневливость ребенком воспринимается как ненависть; сухость — как холодная жестокость; укоры и ругань — как презрение. Эта лавина ненависти, жестокости и презрения вызывает в ребенке ответную реакцию такого же рода, а наказание может в результате развязать в нем самые дурные начала, дать волю самым дурным аффектам. Наказывающий отец кажется ребенку неким громилой, который хочет выместить на нем свое зло и который за какую-нибудь нечаянно разбитую фарфоровую чашку преднамеренно убивает целый клад духовно-душевного фарфора.

Затравленный человек утрачивает свое достоинство и может превратиться в низкого лакея. Постоянный страх довлеет ему, ослабляет его духовный костяк, открывает

перед ним в жизни всяческие низкопробные лазейки от коррупции до предательства. Поркой не воспитаешь свободного человека, а взрастишь раба. А болезненный дух раба может сказаться однажды самым страшным образом.

Есть, однако, дети — а это, как правило, благородные и утонченные натуры, — которые никогда не прощают отцу физической экзекуции. Они не поддались унижению, не испытали страха в себе; они перенесли свой живой пиетет, который в нормальных условиях дети питают к отцу, в другие, не разочаровывающие их сферы, а своего родителя воспринимают отныне как погасший свет, или как пустую оболочку вместо человека, или как лишенное святыни место.

Наказанный ребенок — ребенок страждущий, несчастный. Он впервые находится в мучительном конфликте с внешним миром и чувствует себя чаще всего непонятым и невиноватым. Да — непонятым, потому что взрослые воспринимают и описывают его поступки, как сам он эти злополучные поступки и не замыслил, и не желал. Да — невиноватым, потому что где-то в глубине души своей знает, что вина предполагает злую волю или волю ко злу. А он от этого свободен...

Сегантини вспоминает, как он, будучи малышом и днями оставаясь дома один, измышлял для себя веселые развлечения: бросал из окна небольшие кусочки бумаги и любовался, как они кружились и танцевали в воздухе; грубая порка прервала эту светлую радость великого провидца... Было ли это необходимым и оправданным?..

Так выглядит конфликт маленького искателя радостей, неопытного подражателя, беспомощного исследователя, который осмеливается войти в мир, не познав его в его «глупых» взаимосвязях. Ребенок делает ложный шаг, не зная, чем он отзовется, не оценив всевозможных — и прежде всего дурных — последствий его, и терпит «кораблекрушение». Человечество идет этому шагу навстречу и бросает в лицо ребенку неожиданные, полные разочарований следствия этого шага. Задача воспитателя не в том, чтобы огорчительные следствия превратить в град лупцеваний, а в том, чтобы *стать между ребенком и нежелательными последствиями*, показать ему неприглядную сторону их, заставить его задуматься, но самое главное — пробудить дух детского инстинкта к самостоятельному созерцанию и к решимости заняться воспитанием воли.

Ребенок должен оценить результаты своего проступка, усмотреть причинную взаимосвязь между ним и его последствиями; признать себя первоисточником своей вины и с этим грузом новых познаний почувствовать угрызение совести. А воспитатель в это время должен *быть рядом с ним, с одобрением пойти навстречу решениям ребенка и всячески поддерживать в нем их*. И все это без унижения, все с любовью и проникновенностью. Потому что человек только тогда правильно воспитан, когда он умеет правильно оценивать свои поступки, предвидеть их последствия, в тихой пристани починить свой «корабль» и взять курс на достойную ревизию своего «я». И все это — самостоятельно, по собственному почину, в свободной самооценке.

Так поступает истинный воспитатель. А если, паче чаяния, ему и придется когда-нибудь прибегнуть к наказанию, то оно никогда не будет ни суровым, ни мучительным, ни унижительным. Суровые наказания или сломают человека, или ожесточат; мучительные наказания рожают палачей; унижительные, делают из людей рабов.

Будущему человечеству все это не к лицу.